

Научная статья

УДК: 341.9

DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.4.33

Генезис международного частного права в Древнем мире

Ирина Викторовна Гетьман-Павлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20, getmanpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2428-8016>

Аннотация

Проблемы генезиса международного частного права не пользуются особым вниманием в российской доктрине. Такая ситуация вызывает сожаление, поскольку знание истории — это базис юридической культуры общества. Статья нацелена на частичное восполнение этого пробела и посвящена вопросам происхождения коллизий разнонациональных законов в Древнем Израиле, Древней Греции, Древнем Египте. Основное внимание уделяется природе таких коллизий и формированию способов их решения. Обращается внимание на разницу природы коллизий законов в Израиле и Египте (интерперсональные), с одной стороны, и в Греции (межполисные) — с другой. При написании исследования использовались методы сравнительного анализа и реконструкции, формально-логический, диалектический, естественнонаучный и исторический методы. Государства Древнего мира в большинстве своем — теократические деспотии, для которых характерны ксенофобия и политика воинствующего изоляционизма. Однако объективные потребности экономики диктуют необходимость международной торговли и признания прав иностранцев. Отношение к иностранцам эволюционирует от их полного бесправия до предоставления им национального режима, и это имеет место во всех государствах. В местных судах признается и применяется иностранный личный закон, что позволяет утверждать о становлении в Древнем мире коллизийной привязки *lex personalis*. Для иностранцев создаются специальные суды, которые в процессе учитывают язык составления договора, происхождение сторон и место заключения контракта. Во всех государствах основным источником правил выбора применимого права является судебная практика; в Древней Греции важную роль играют межполисные договоры; в Древнем Израиле необходимое регулирование выводится посредством толкования Торы; в эллинистическом Египте коллизийные нормы фиксируются в царском эдикте. В заключении сделан вы-

вод, что МЧП Древнего мира представляет собой коллекцию отдельных казусов; это «эпизодическое международное частное право». Ограниченное количество данных не позволяет сделать общетеоретических выводов, выстроить общую линию эволюции правил выбора права. Однако именно античные и библейские подходы стали впоследствии интеллектуальным фундаментом для создания научных доктрин МЧП и его законодательного регулирования.

Ключевые слова

международное частное право; происхождение; история; конфликт законов; имплицитные коллизионные нормы; Древний Израиль и Иудея; Древняя Греция; Древний Египет.

Для цитирования: Гетьман-Павлова И.В. Происхождение международного частного права в Древнем мире // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 4. С. 4–33. DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.4.33

Legal Thought: History and Modernity

Research article

The Genesis of Private International Law in the Ancient World

Irina Viktorovna Getman-Pavlova

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya Street, Moscow 101000, Russia, getmanpav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2428-8016>

Abstract

The problems of private international law genesis do not receive some special attention in the Russian doctrine. This situation is regrettable, since a study of history is the basis of the society's legal culture. The article is aimed at partially filling this gap. It is devoted to the origin of conflicts of different national laws in Ancient Israel and Judea, Ancient Greece, Ancient Egypt. The main attention is paid to the nature of such collisions and the formation of ways to solve them. Attention is drawn to the difference in the nature of conflicts of laws in Israel and Egypt (interpersonal), on the one hand, and in Greece (interpolis), on the other. By writing the study, the author used the methods of comparative analysis and reconstruction, formal-logical, dialectical, natural science and historical methods. The states of the Ancient World were mostly theocratic despotisms characterized by xenophobia and a policy of militant isolationism. However, the objective needs of the economy dictate the need for international trade and recognition of the rights of foreigners. The attitude towards foreigners evolves from their complete lack of rights to the provision of national treatment to them, and this takes place in all states. In local courts, foreign personal law is recognized and applied, which makes it possible to assert the formation the connecting factor "lex personalis". For foreigners, special courts

are created, which in the process take into account the language of the contract, the origin of the parties and the place of conclusion of the contract. The main source of rules for choice of law is jurisprudence in all states; interpolis agreements play an important role in ancient Greece; the necessary regulation is derived through the interpretation of the Torah in Ancient Israel; conflict norms are fixed in the royal edict in Hellenistic Egypt. In conclusion, it is concluded that the PIL of the Ancient World is a collection of individual cases, this is “episodic private international law”. The limited amount of data does not allow drawing general theoretical conclusions, building a general line of evolution of the rules for applicable law. However, it is precisely the ancient and biblical approaches will subsequently become the intellectual foundation for the creation of scientific doctrines of PIL and its legislative regulation.

Keywords

private international law; history; origin; conflict of laws; implicit conflict rules; Ancient Israel and Judea; Ancient Greece; Ancient Egypt.

For citation: Get'man-Pavlova I.V. (2023) The Genesis of Private International Law in the Ancient World. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 4, pp. 4–33. (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.4.33

Введение. Постановка проблемы

Международное частное право (далее — МЧП) в современной жизни воспринимается как сугубо практико-ориентированное явление — его проблемы возникают в гражданском судопроизводстве, если спор связан с правовыми порядками двух и более государств. Релевантные нормы о разрешении как конфликта юрисдикций, так и конфликта законов найти просто: это и международные договоры, и национальное законодательство. Однако нужно не только найти необходимую норму — ее надлежит правильно применить, т.е. грамотно истолковать и квалифицировать закрепленные в ней правовые понятия. Только знания нормативных актов для этого недостаточно, здесь требуются серьезное юридическое образование, а главное — высокая правовая культура. Правовую культуру воспитать в себе значительно труднее, нежели заучить текст законодательства.

Основой формирования правовой культуры всегда выступала, выступает и будет выступать история права. Для МЧП это особенно актуально, поскольку «международное частное право является, по существу, в техническом смысле историческим правом, то есть правом, которое применяется таким, каким его создала история, а не таким, каким его предусмотрел законодатель» [Ancel B., 2008: 10]. К сожалению, отечественная доктрина МЧП редко обращается к проблемам его генезиса, предпочитая уделять внимание насущным вопросам правопримени-

тельной практики. Настоящая статья представляет собой попытку частично восполнить этот пробел.

В рамках статьи невозможно исчерпывающим образом рассмотреть проблематику МЧП всего Древнего мира, ввиду чего исследование ограничивается тремя государствами Средиземноморья — это Древний Израиль, Древняя Греция, Древний Египет. Коллизии законов в Древнем Риме в статье не анализируются, поскольку МЧП Древнего Рима — самостоятельная тема отдельного исследования.

Интерес к изучению МЧП в древности вызван еще и тем, что по настоящее время в нашей науке доминирует позиция, чрезвычайно категорично выраженная в 1900 г. одним из основоположников российской доктрины МЧП А.Н. Мандельштамом: «Международное частное право не могло возникнуть в древности. Не говоря уже о народах теократических — египтянах, индусах, евреях — ни греки, ни даже римляне не возвысились до признания личности иностранца. В законах Ману (XII, 43) иностранец на общественной лестнице стоит ниже слонов, лошадей и судра; он только выше диких животных. Евреи — избранный народ считают богоугодным делом истребление других народностей. Ненависть египтян ко всему иностранному или нечистому и старание предохранить себя от всякого соприкосновения с этим элементом — общеизвестный факт. Война и рабство — иностранцам, вот лозунг древнего теократического мира, да и так называемые торговые народы, финикияне и карфагеняне, были не столько носителями идеи мирного обмена, сколько пиратами и работниками» [Мандельштам А.Н., 1900: 1]. Эту «жуткую картину» подтверждал социолог и культуролог П. Сорокин: «В Полинезии побежденные поголовно истреблялись, не исключая жен и детей; те же сведения имеются о кафрах, краснокожих индейцах, древних персах, египтянах, евреях, греках, римлянах, магометанах и т.д.» [Сорокин П.А., 1992: 151].

Ксенофобия Древнего мира и политика воинствующего изоляционизма древних государств — исторически доказанные явления. Однако и в теократических деспотиях потребности экономики диктуют необходимость международной торговли и признания прав иностранцев. Международные экономические и политические связи в древности — неопровержимый факт: «У древних исторических народов религия воспитывала ненависть ко всем, не приобщенным к племенному культу. Но торговые отношения сближали людей. Та же религия брала под свое покровительство гостя, т.е. обыкновенно заезжего купца» [Брун М.И., 1911: 152]. Очевидны также факты признания существования других государств (и восприятия их как равных себе) и разная природа систем частного права в разных государствах [Hamza G., 1992: 197], что порождает коллизии между национальными законами и необходи-

мость решать коллизионный вопрос. Наконец, институт гостеприимства известен практически всем древним государствам, и объем прав иностранцев имеет тенденцию к расширению. «Древнейшими формами международных отношений были отношения гостеприимства между отдельными лицами, принадлежащими к разным государствам, — база будущего частного международного права»¹.

Научные исследования XX века с полной уверенностью позволяют утверждать, что отдельные нормы МЧП закрепляются в правовых порядках древних государств, более того, в древности существовало МЧП в собственном смысле этого слова (т.е. коллизионные нормы, правила выбора применимого права), хотя и в самой зародышевой форме [Hamza G., 2008: 84]. Наличие отдельных коллизионных норм естественным образом предполагало sporadическое применение эксклюзивного метода МЧП — коллизионного.

1. Древнееврейское государство (Израиль и Иудея)

У древних народов основание прав человека лежит в религии, а не в личности человека. Человек, не принадлежащий к данному религиозному обществу, бесправен. Религия является краеугольным камнем отношения к другим народам. Российский историк XIX века профессор В. Пероговский справедливо указывал, что «каждый народ считал только свою религию истинною, все же прочие ложными. Иностранцы, исповедовавшие другую религию, не могли быть допущены к пользованию правом другого народа. Как мог иметь у них силу брак иностранца, когда он был освящен жрецом, служащим чуждому богу? Как он мог иметь после этого законные последствия? Таким образом в восточных государствах царствовал произвол по отношению к иностранцам» [Пероговский В., 1859: 1–2].

То, что сознание религиозной исключительности и господство теократии приводят к воинствующей ксенофобии — непреложный факт, доказанный опытом многих тысячелетий. Большинство древних государств — это теократические восточные деспотии, поэтому отношение к иностранцам, по общему правилу, является более чем враждебным. Древний Израиль, по мнению известного французского историка и государственного деятеля конца XVIII — начала XIX вв. К.Э. де Пасторе, являет один из самых ярких примеров ксенофобской государственной политики: «Народ, которому обещана была земля, занятая другим наро-

¹ Ростовцев М.И. Международные отношения и международное право в древнем мире // Современные записки. 1921. № 4. С. 128. Цит. по: Стародубцев Г.С., 2000. С. 111.

дом, которому религия внушала ненависть к идолослужителям, не должен был иметь законы, благоприятствовавшие иностранцам. Иностранцы — свободные или пленные, путешествовавшие или поселившиеся на земле Израиля — мало испытывали благосклонности законодателя; им оказывали только недоверчивость»². Такая ошибочная, как считал В. Пероговский, оценка основывалась на том, что поскольку «законодательство Моисея имело, между прочим, в виду и то, чтобы отделить евреев от всех других народов, поставить между ними и иностранцами непреодолимую преграду», постольку «Еврейское частное международное право было одно из самых враждебных иностранцам» [Пероговский В., 1859: 14]³.

Несостоятельность подобной оценки отношения к иностранцам в Древнем Израиле очевидна из писаного еврейского закона — Торы (Пятикнижия Моисея)⁴. На земле Израилевой иностранцы находятся под защитой закона: «Когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его: ⁴ пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской» (Лев. 19: 33–34)⁵. В Пятикнижии Моисея упоминается три категории иностранцев: 1) присоединенные к еврейскому народу, принявшие подданство и Закон Моисеев (геры) (*Ger или prosélytes de justice*); 2) поселившиеся в Иудее (иностранцы-резиденты) (*Tochab или prosélytes d'habitation*); 3) иностранцы, которые проходили или проезжали через Иудею (иностранцы-нерезиденты) (*Nocri*) [Пероговский В., 1859: 21].

Иностранцы имеют право на справедливое судебное разбирательство наравне с местными жителями: «И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его» (Втор. 1:16). *Все иностранцы на территории Израиля подсудны местным судам*: «Один суд должен быть у вас как для пришельца, так и для туземца...» (Лев. 24:22).

Прозелиты обеих категорий пользовались национальным режимом — «один закон да будет и для природного жителя, и для пришельца, поселившегося между вами» (Исх. 12:49). Национальный режим для прозе-

² Pastoret C.E. Histoire de la legislation. 1817–1837. Т. III. Цит. по: [Пероговский В., 1859: 14].

³ Здесь более всего интересен перевод французского термина «частное международное право» В. Пероговским в 1859 г. В современной российской доктрине считается, что на русском языке первым этот термин употребил в 1850 г. в неопубликованной магистерской диссертации Ф. Бобровский, вторым — Н.С. де Галет в книге «Международное право» (1860 г.). См.: [Бахин С.В., 2022: 56–66]. Получается, что вторым был В. Пероговский, а не де Галет.

⁴ Цитаты из Ветхого и Нового заветов даны по: Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2004.

⁵ Аналогичные установления: Исх., 22:21, 23:9; Втор., 10:19; Быт. 46:5.

литов *de justice* имеет абсолютный характер: «¹⁴ и если будет между вами жить пришелец, или кто бы ни был среди вас в роды ваши, и принесет жертву в приятное благоухание Господу, то и он должен делать так, как вы делаете; ¹⁵ для вас, общество [Господне], и для пришельца, живущего [у вас], устав один, устав вечный в роды ваши: что вы, то и пришелец да будет пред Господом; ¹⁶ закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас... ²⁹ один закон да будет для вас, как для природного жителя из сынов Израилевых, так и для пришельца, живущего у вас, если кто сделает что по ошибке» (Числ. 15: 14–16, 29).

Для прозелитов *d'habitation* были установлены изъятия из национального режима (прежде всего религиозного характера): «⁴³... вот Устав Пасхи: никакой иноплеменик не должен есть ее; ⁴⁴ а всякий раб, купленный за серебро, когда обрежешь его, может есть ее; ⁴⁵ поселенец и наемник не должен есть ее... ⁴⁸ Если же поселится у тебя пришелец и захочет совершить Пасху Господу, то обрежь у него всех членов мужеского пола, и тогда пусть он приступит к совершению ее, и будет как природный житель земли; а никакой необрезанный не должен есть ее» (Исх., 12:43–48). Прозелиты *d'habitation* обязывались к исполнению общих территориальных законов, но, «кажется, эти иностранцы имели особенных судей. Судьи эти избирались иногда из числа Евреев, но большею частию из числа самых же прозелитов *d'habitation*. Иногда был избираем посредник для прекращения споров, возникших между иностранцем и Израильянином» [Пероговский В., 1859: 23]. На то, что иностранцы-резиденты могли иметь собственных судей, в конце XII в. указывал Маймонид⁶ в Кодексе «Мишне Тора»: «Еврейский суд обязан назначать судей для этих постоянно проживающих в стране иностранцев, чтобы они судили их в соответствии с этим уставом [Торой], чтобы мир не стал упадочным. Если суд сочтет целесообразным назначить судей из числа проживающих в стране иностранцев, они могут это сделать. Если сочтет нужным назначить их из числа евреев, они могут сделать это»⁷.

В тексте Торы подтверждения наличия в Израиле специальных судей для разбирательства споров между иностранцами-резидентами найти не удалось. По-видимому, это не были институциональные, постоянно

⁶ Маймонид (Моисей Маймонид, Моше бен Маймон, Рамбам) (1135/1138–1204) — выдающийся еврейский философ и богослов-талмудист, раввин, врач, кодификатор законов Торы.

⁷ РАМБАМ: Мишне Тора. XIV Судьи. Законы о королях, их войнах и Короле Мошиахе. Гл. 10: 11. Available at: URL: <https://moshiach.ru/rambam/1016> (дата обращения: 25.06.2023); Melachim uMilchamot. Chapter 10:11. Available at: URL: https://www.chabad.org/library/article_cdo/aid/1188355/jewish/Melachim-uMilchamot-Chapter-10.htm (accessed: 25.06.2023)

действующие суды; по собственной инициативе или по просьбе сторон еврейский суд назначал арбитров из иностранцев-резидентов для рассмотрения конкретного дела. Вряд ли подобные случаи встречались часто.

Кстати, много позже, когда земли Древнего Израиля войдут в состав Римской империи и воцарится римское правосудие, именно в Торе раввины будут искать указание, что евреи не должны разрешать свои споры в римских судах. Настаивая, чтобы евреи обращались только к собственным судьям, в том числе и по делам, относящимся к нееврейскому праву, рабби Элеазар бен Азария⁸ апеллирует к Книге Исхода⁹: «Теперь, когда язычники должны были судить по законам Израиля, я мог бы подумать, что их решения действительны. Поэтому Писание говорит: вот законы, которые ты объявишь им: вы можете судить их, но они не будут судить вас»¹⁰.

Изучение Торы позволило В. Пероговскому сделать вывод, что израильтяне демонстрировали большее уважение к иностранцам, нежели другие народы Древнего мира: «Ни у одного народа древнего мира законы, относящиеся к иностранцам, не приближались так к началам равенства, свободы и братства, как у Евреев... в Иудее иностранец был предметом всей заботливости законодателя; законодатель... заботится об их нуждах, он увещевает судей судить их беспристрастно, точно так же, как и каждого Израильянина» [Пероговский В., 1859: 15]. По мнению профессора В.Г. Графского, установления Торы, входящие в Книгу Договора (Ковенанту), имеют основополагающее значение для правопонимания и применения заповедей и конкретных законодательных положений, они закрепляют принцип равнозакония — равенства перед повелениями Божьими для иудеев и иноземцев [Графский В.Г., 2007: 135].

С принципом равнозакония иудеев и прозелитов можно согласиться: иностранцы не только не бесправны, они под защитой еврейского закона не в меньшей степени, чем иудеи. Нужно при этом иметь в виду, что в Торе много и иных мыслей, не подтверждающих данный тезис и ставящих под сомнение оценку В. Пероговского, что веротерпимость — это отличительное и существенное свойство религии Моисеевой и что Законы Моисея отличаются особенною гуманностью по отношению к иностранцам [Пероговский В., 1859: 15]. Определенно можно утверждать лишь, что право иностранцев сформировалось в Древнем Израиле намного раньше, чем в других государствах Средиземноморья; правовой

⁸ Рабби Элеазар бен-Азария — еврейский законоучитель конца I — начала II вв. н.э.

⁹ «И вот законы, которые ты объявишь им» (Исх. 21:1).

¹⁰ Furstenberg Y. Imperialism and the creation of local law: The case of rabbinic law. Available at: URL: <https://books.openedition.org/efr/9808> (accessed: 25.06.2023)

статус иностранца был закреплён в законе; иностранец не рассматривался как враг и в сфере частного права не подвергался дискриминации.

О международных договорах, заключённых Древним Израилем с другими государствами и затрагивающих статус иностранцев, мало известно. Трудно предположить, что Израиль признавал другие государства и их законы равными себе. Однако и из Торы, и из других источников хорошо известно, что на территории Израиля пребывало большое количество «пришельцев». При Иисусе Навине и его преемниках, при Соломоне, во времена пророков — всегда число иностранцев было велико. В последнее время существования Иудеи иностранцев в Иерусалиме было столько же, сколько и иудеев [Пероговский В., 1859: 23–24]. Большинство иностранцев — это язычники, т.е. представители других религий. В религиозном обществе личный закон определяется по конфессиональной принадлежности человека и, по общему правилу, следует за ним повсюду. Отсюда становится неизбежным возникновение интерперсональных коллизий, появляется проблема признания других правопорядков и возможности применения «чужеземных» норм.

Принцип равнозакония даёт основания усомниться, что в Древнем Израиле возникали коллизионные проблемы; во всяком случае, это было чрезвычайно редко. Несмотря на наличие частноправовых общественных отношений, связанных с разными правопорядками, безусловно господствовало общее правило — местный суд применяет собственный закон (лексфоризм). Мог ли иностранец в еврейских судах судиться по его личному закону? Скорее всего, ответ должен быть отрицательным: распространение на пришельца Закона Моисеева — это привилегия для него, это наилучшая защита; зачем прибегать к иному праву? О возможности обращаться к чужим законам в Торе напрямую ничего не говорится, а еврейские мудрецы высказывают по этому поводу диаметрально противоположные позиции. В частности, Ицхак Наппаха¹¹, впоследствии поддержанный Моисейм Иссерлесом¹², утверждал, что к иностранцам на территории Израиля применялся исключительно еврейский закон [Meron Y., 1989: 52].

Маймонид, напротив, считал, что еврейский закон применяется избирательно — если обе стороны-иностранцы («оба идолопоклонники») «желают, чтобы их судили в соответствии с законом Торы, то их следует судить соответственно»¹³. По существу, это свободный выбор сторонами

¹¹ Рабби Ицхак Наппаха (Исаак-кузнец) — раввин, талмудист, мыслитель III–IV вв., проживал в Галилее.

¹² Моисей Иссерлес (Ремо) (1520–1572) — польский раввин, талмудист, правовед и философ.

¹³ РАМБАМ: Мишне Тора. XIV Судьи... Гл. 10: 12; Melachim u Milchamot. Chapter 10:12.

личного закона — *professio juris*, и тем самым презюмируется, что компетентным может быть и языческое право. Более того, «если один желает, чтобы его судили в соответствии с законом Торы, а другой — нет, то их принуждают судить только по их собственным законам»¹⁴, т.е. применение к иностранцам их языческих личных законов — это обычная практика, применение еврейского закона — исключение, допускаемое только при обоюдном явно выраженном согласии сторон. Толкование Маймонида подтверждает мысль, что попасть под действие еврейского закона — это именно привилегия, даруемая не всем и не всегда. Из этого можно сделать вывод: Древний Израиль не считает другие правовые порядки равными себе, но это отнюдь не мешает применению «иностранного» права; наоборот, чужеземцам лучше пользоваться именно их законом, не претендуя на компетенцию Торы.

По мнению Маймонида, в спорах между евреем и язычником различаются две ситуации: 1) если «у еврея есть возможность выиграть дело по местным нееврейским законам, судят их по этим законам»; 2) «если еврей оказывается прав по закону Торы, их будут судить по законам Торы»¹⁵. Таким образом, суд при выборе права руководствуется принципом *lex benignitatis* в пользу еврейской стороны процесса. Однако обозначенные подходы применяются только в отношении иностранцев-нерезидентов; «постоянно проживающего в стране жителя-пришельца... всегда судят по законам ноахидов [язычников]»¹⁶. Все свои выводы Маймонид обосновывает отрывком из Пятикнижия, с точки зрения современного человека не имеющим никакого отношения к исследуемому вопросу: «Не ешьте никакой мертвечины; иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай ее, он пусть ест ее, или продай ему» (Втор., 14:21)¹⁷.

Трудно представить, как на практике могло быть реализовано утверждение Маймонида, что в еврейском суде к еврею может быть применен иностранный (языческий) *lex benignitatis*. Авторитет Торы в проистекает из ее божественного происхождения, и иудей может быть судим только по ее законам. Никакому другому правовому порядку нельзя подчиняться по определению, поскольку детям Израиля прямо запрещено «ходить» пу-

¹⁴ Английский перевод с иврита («If one desires to be judged according to Torah law and the other does not, they are only forced to be judged according to their own laws») более точен, нежели русский («Если один желает, чтобы его судили в соответствии с законом Торы, а другой — нет, его тоже заставляют судить в соответствии с его собственными законами»). Дословный перевод с иврита: «Один хочет, а другой не хочет, нет силы об-суждать это, кроме как в их законах». Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Melachim u Milchamot. Chapter 10:12.

тиями или законами других народов: «По делам земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте, и по делам земли Ханаанской, в которую Я веду вас, не поступайте, и по установлениям их не ходите» (Лев., 18:3) [Berthelot K., Dohrmann N., Nemo-Pekelman C., 2021: 9].

В Торе присутствуют и другие сведения о проблеме множественности правопорядков и конфликта законов, правда, очень немногочисленные [Ancel B., 2008: 17]. Израильтяне могут вступать в браки с представительницами других народов, но не всех¹⁸: «и увидишь между пленными женщину, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять ее себе в жену, то приведи ее в дом свой, и пусть она острижет голову свою и обрежет ногти свои» (Втор., 21:11–12). В приведенной цитате можно увидеть имплицитную коллизионную норму («пусть она острижет голову свою и обрежет ногти свои», т.е. выполнит иудейский обряд), в соответствии с которой смешанные браки подчиняются исключительно личному закону мужа. Безусловное господство личного закона мужа подтверждается и в других книгах Ветхого Завета (в частности, история Руфи) [Ancel B., 2008: 17].

Попытки найти имплицитные коллизионные нормы в Ветхом Завете предпринимались создателями науки МЧП — итальянскими постглоссаторами XIV в.; к ним в XVII в. присоединился и создатель науки международного права Гуго Гроций. В науке МЧП XX века также есть точка зрения, что Пятикнижие Моисея содержит целый ряд межгосударственных общих коллизионных норм [Gutzwiller M., 1977: 5]. Многие современные израильские исследователи подчеркивают, что фундаментом основных коллизионных принципов, используемых в законодательстве и судебной практике Израиля, являются тексты Ветхого Завета, истолкованные Маймонидами и другими древними еврейскими мыслителями [Meron Y., 1989: 37–74]; [Lifshitz B., 1982: 179–189].

Ветхий Завет был и остается фундаментом основных правил человеческого общения (в том числе и связанных с несколькими правопорядками). С этой точки зрения, конечно, можно утверждать, что в его текстах заложена основа будущего определения правил выбора применимого права. Однако приведенные цитаты показывают, что если установления Ветхого Завета и можно считать «имплицитными коллизионными нормами», то они обладают «наивысшей степенью имплицитности». Скорее их следует квалифицировать как материально-правовые и процессуальные нормы, прямо устанавливающие модель поведения в делах с участием иностранцев. Говорить о существовании МЧП в Древнем Израиле, разумеется, не приходится; нельзя и утверждать, что это было особое «религиозное

¹⁸ «Браки Израильтян с лицами женского пола из племен Ханаанских были строго запрещены» [Пероговский В., 1859: 18].

МЧП»¹⁹, хотя попытки его реконструировать основаны на обращении к писаному религиозному закону. В судебной практике был выработан и освоен только один коллизионный подход — возможность применения чужеземного *lex personalis* в спорах с участием иностранных лиц.

В I в. н.э. на территории Древней Иудеи, ставшей к тому времени провинцией Римской Империи, создается Новый Завет. По мнению австрийского ученого Ф. Швинда, в Новом Завете есть рассуждения о государственном суверенитете и экстерриториальном характере личного закона. Речь идет об эпизоде из Деяний апостолов, когда римское гражданство избавляет апостола Павла от бичевания: «... скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал: да... я и родился в нем. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его» (Деян. 22:27–29). Этот отрывок выражает мысль, что «суверенитет государственной власти в отношении определенного круга лиц соответствует представлению о том, что правопорядок, действующий в отношении данного круга лиц, распространяется на этот круг лиц везде, даже тогда, когда правопорядок территориально ограничен и лицо находится за пределами его границ» [Schwind F., 1959: 99].

Многие исследователи находят в текстах Нового Завета имплицитные коллизионные нормы, предписывающие применение еврейского закона. Интерперсональные коллизии имманентны для римской провинции Иудеи, и религиозный личный закон следует за лицом при любых его перемещениях. Этот постулат отражен в Новом Завете: в Евангелии от Иоанна прокуратор Иудеи Понтий Пилат пытается передать Иисуса Синедриону со словами — «возьмите Его вы и по закону вашему судите Его» (Ин. 18:31). Слова Пилата можно трактовать как отсылку к личному закону иудеев и отказ от применения к ним римского права. Аналогичная ситуация имеет место и в отношении апостола Павла, который был обвинен в том, что «...учит людей чтить Бога не по закону». На это обвинение проконсул Галлион заявил: «Иудеи! если бы какая-нибудь была обида, или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас; Но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами: я не хочу быть судьей в этом» (Деян., 18: 13–16).

Упомянутые отрывки из Нового Завета фразеологически и содержательно в большой мере напоминают классические коллизионные нормы; ассоциативно в них можно найти концепцию «*forum non conveniens*» и презумпцию «какой суд, такое и право». Во всяком случае, вполне справедлив вывод А.А. Мережко, что существовала коллизионная нор-

¹⁹ Самостоятельное «религиозное МЧП» выделяет В.Л. Толстых и дает его определение (но отнюдь не применительно к Древнему Израилу). См.: [Толстых В.Л., 2004: 23, 25–26].

ма, разграничивающая компетенцию между римским правом и правом иудейской общины [Мережко А.А., 2006: 22]. Новый Завет (который создавался отнюдь не как закон или свод правовых обычаев) содержит упоминание о таких нормах, поскольку для Римской Империи характерны не только интерперсональные, но и интелокальные коллизии, и имела практическая потребность иметь способы их решения. Однако эти способы устанавливаются не в Новом Завете, а в римском праве.

Необходимо также учитывать, что в Священном писании при желании можно найти цитаты, доказывающие любую мысль, в том числе и ту, которая совсем не имела в виду его авторами; кроме того, взятые вне контекста многие библейские постулаты звучат как прямо противоречащие друг другу. В частности, приведенные цитаты из Нового Завета имеют в виду ситуации, когда речь идет о религиозном и уголовном правосудии, но не о гражданско-правовых спорах. Авторы как Ветхого, так и Нового заветов отнюдь не задавались целью выработать правила разрешения коллизий законов и конфликта юрисдикций в частноправовых отношениях; тем более их не интересовали вопросы возможности применения иностранного права.

Французский ученый профессор Б. Ансель считает, что рассматривать Библию как историческую книгу и релевантный исторический источник слишком смело [Ancel B., 2008: 17]. Однако нельзя недооценивать мифологию Ветхого Завета как источника позитивного права того времени и сборника моделей должного/недолжного с точки зрения общества. Миф — это не сказка и не людской вымысел; миф выполняет двоякую функцию: он закрепляет сложившуюся в реальности регулятивную нормативную систему и создает своего рода нормативный прецедент, обращенный в будущее [Ковлер А.И., 2002: 130]. Миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее [Леви-Стросс К., 1985: 186]. Ввиду этого какой бы натяжкой ни выглядела квалификация отрывков из древних религиозных текстов как коллизионных норм, они позволяют утверждать — в Древнем Израиле были общественные отношения, входящие в сферу МЧП, существовала необходимость их регулирования, возникали коллизионные вопросы и имелся механизм их разрешения. Доминирующим был при этом не коллизионный, а внутренний материально-правовой (с использованием норм непосредственного применения).

2. Древняя Греция

Как утверждают некоторые современные греческие ученые, «до 800 года до н.э. нормы МЧП на этой территории не были известны, хотя люди путешествовали в различные другие страны и контактировали с

лицами разного этнического происхождения. При этом в гомеровской «Одиссее» можно найти некоторые правила религиозного или этического характера, касающиеся статуса иноземцев» [Vrellis S., 2009: 19]. Древняя Греция — это суверенные [Wolff H., 1979: 15] города-государства (полисы) с законодательством, учреждениями и властями.

Профессор Б.И. Нефедов, говоря об отсутствии МЧП в Древней Греции, утверждает, что «в господствующем правосознании людей этого периода не было места ни равенству между людьми, ни равенству между государствами, ни равенству между их правовыми системами» [Нефедов Б.И., 2016: 8]. Мы не можем согласиться с этим утверждением — различные письменные источники, сохранившиеся со времен классической Греции, свидетельствуют об обратном: несмотря на постоянные войны, попытки экспансии и завоевания соседних территорий, полисы признают равенство друг друга и равноценность полисных правопорядков. На территории Эллады «была развита национальная и международная коммерческая деятельность, сопровождаемая развитыми и мудрыми законами и правилами почти во всех вопросах публичного и частного права. Естественно, они касались также отношений с участием иностранных элементов» [Mádl F., 2003: 2]. Очевидно, что трансграничные отношения в этот период не носили массового характера (и здесь Б.И. Нефедов абсолютно прав) и были следствием торговых семейных, политических и дружественных связей между гражданами различных государств [Нефедов Б.И., 2016: 8], что требовало признания прав иностранных частных лиц. Отношение к «иногородцам»²⁰ эволюционировало в течение столетий — от их полного бесправия и отождествления с врагами²¹ до предоставления им национального режима.

В Древней Спарте Законы Ликурга (начало VIII до н.э.) «относительно иногородцев были так строги, что ему приписывается установление ксенеласии, изгнания чужих». Ликург придерживался политики полного изоляционизма — не позволял спартанцам выезжать из своей страны и проводить время в других краях, чтобы они не приучались к чужим нравам, не перенимали беспорядочного образа жизни и не заимствовали у иностранцев политических мнений, несогласных с устройством Спарты. Он запретил приезд в Спарту иноземцев из опасения, «чтоб они не сделались учителями в зле» для граждан Спарты: «Ликург изгнал из Спарты иностранцев и никому из своих не позволил путешествовать из опасения, чтоб Спартанцы не заимствовали чужих нравов» [Биби-ков П.С., 1852: 14, 15, 17].

²⁰ Такой термин употребляется в российской литературе XIX века.

²¹ «Слова: иностранец и враг у Греков значили одно и то же» [Пероговский В., 1859: 25].

Однако уже в конце VI — начале V вв. до н.э. отношение к иностранцам в большинстве греческих полисов изменилось, чему немало способствовали межполисные договоры (*symvola*) (например, Никиев договор Афин со Спартой 421 г. до н.э., договор Афин с Аргосом, Мантинеей и Элидой 420 г. до н.э., договор Халкидонского союза с Македонией 375 г. до н.э.). В соответствии с этими договорами и при соблюдении взаимности гражданам договаривающихся полисов предоставлялся ряд прав (изотелия); иногда предусматривалось полное уравнивание иногородцев в гражданских правах с местными гражданами (изополия)²². Выражаясь современным языком, на основании международных договоров иностранцам предоставлялся режим наибольшего благоприятствования или национальный режим. Некоторые города (например, Коринф) в определенных сферах предоставляли иностранцам специальный преференциальный режим [Пероговский В., 1859: 34].

К концу VI вв. до н.э. в греческом праве сформировался особый институт — *проксения* (гостеприимство). Суть проксении состояла в том, что гражданин одного полиса добровольно брал на себя обязанность принимать в своей отчизне иностранцев гостеприимно и защищать их. Проксен вступал в близкие отношения с тем полисом, который вверил ему своих подданных, и этот полис был для проксена как бы вторым отечеством. Впоследствии проксения была даруема не отдельным гражданам, а целым государствам; она подразумевала частные правоотношения и двустороннее равное решение дел на основании договоров. Проксения рождалась из торговых трактатов, и в силу проксении иностранцы пользовались различными привилегиями [Пероговский В., 1859: 27]. Привилегии могли быть дарованы и в одностороннем порядке местной властью отдельным категориям иностранцев для улучшения коммерческой жизни [Ancel В., 2008: 21].

В Аттике иностранцы делились на две категории — гости, приехавшие на короткое время, и метэки (метеки), т.е. иностранцы-резиденты, переселившиеся из одного города в другой для постоянного жительства. В Афинах иностранцам-нерезидентам было запрещено вступать в брак

²² Исополия (изополия) (греч. «равенство граждан»). Древнегреческий политический термин, обозначавший равенство всех граждан в отношении их гражданских прав и участия в политической жизни. Исополия была одним из важнейших видов политического равенства и наиболее последовательно проводилась в древнегреческих демократиях. *Исотелия* (изотелия) (греч. «равенство в податях»). В древнегреческих полисах (в частности, в Афинах) привилегия, предоставляемая за заслуги некоторым метэкам. Метэк, получивший исотелию, полностью уравнивался с гражданином в отношении податей и повинностей и не вносил налога, собираемого с метэков за проживание в городе. См.: История и культура Древней Греции: энциклопедический словарь / Суриков И.Е. и др. М., 2009. С. 300.

с афинскими гражданами. Метэки на территории Афин имели право вступать в браки (в том числе с местными гражданами), приобретать недвижимое имущество, заключать сделки, искать защиту в суде [Биби-ков П.С., 1852: 25]. Метэки находились под юрисдикцией специальных магистратов (*Zenokidai*), занимавшихся рассмотрением частнопровых исков с участием таких иностранцев [Мережко А.А., 2006: 24].

Выдающийся российский археолог и историк-эмигрант М.И. Ростовцев пришел к выводу, что уже к VI в. до н.э. в Древней Греции пышно расцвело такое явление, как международное частное право: «Самые широкие междугосударственные деловые отношения поощрялись большинством греческих городов... были организованы особые суды, разбиравшие дела неграждан с гражданами. Они руководствовались не столько действующим правом данного города, сколько специальными соглашениями, существовавшими на этот предмет между отдельными городами, т.е. коммерческими трактатами»²³. О существовании в Древней Греции полноценного МЧП писал и американский ученый А. Кун [Kuhn A., 1937: 1–2]. Однако такой вывод оба исследователя основывают на существовании особой юрисдикции иностранцев и не утверждают наличия в греческом праве коллизионных норм МЧП.

В современной литературе указывается, что из-за значительного оборота людей и товаров между греческими городами-государствами возникало множество проблем, связанных с тем, какой закон необходимо применять [Castro L., 2000: 16]. Коллизионные проблемы, безусловно, возникали, но нельзя утверждать, что они отличались остротой. На деле реального конфликта законов в Древней Греции не было. Во-первых, межполисные договоры содержали материальные нормы, непосредственно применимые к спорам между гражданами этих городов-государств. Например, в договоре между Сикионом и Стимфалом (302/301 г. до н.э.) конфликт законов был устранен посредством выработки унифицированных материальных правил, применимых в спорах из деликтов [Ancel B., 2008: 23. 27]. Во-вторых, имело место значительное сходство (доходящее до полного тождества) правовых норм разных греческих полисов, что устраняло необходимость обращаться к иностранному правопорядку [Hamza G., 1992: 197]; [Wolff H., 1979: 34]²⁴. В подавляющем большинстве случаев гражданско-правовые споры с участием иностранцев разрешались при помощи прямого метода регулирования,

²³ Ростовцев М. И. Указ соч. С. 159.

²⁴ Кроме этого, известны случаи полной рецепции права одного полиса другими в процессе синойкизма (например, рецепция права острова Кос городами Теосом и Лебедосом).

т.е. посредством применения унифицированных межполисных или внутренних материальных норм.

В отношениях межполисной торговли необходимость учитывать законы разных полисов, связанных с заключенным контрактом, являлась очевидным источником затруднений. Одним из способов избежать трудностей конфликта законов или выбора применимого права было изъятие контракта из действия всех законов, т.е. существовало понятие «контракт без закона». Это понятие появилось довольно рано — уже Демосфен в судебной «Речи против Лакрита» (341 или 351 г. до н.э.) апеллировал к нему, чтобы получить исполнение контракта бодмерии: «Договор гласит, что ничто не имеет большей силы, чем условия, записанные в нем, и его не может отменить ни закон, ни постановление, ни что-нибудь иное»²⁵. Речь Демосфена, кроме того, позволяет предположить, что для отношений в сфере международной торговли существовало общее материальное право, поскольку оратор задается вопросом: «Разве не одни и те же законы писаны для всех и не одно и то же право существует для судебных споров по делам о торговле?»²⁶. Такое предположение «получает подтверждение в виде знаменитого закона *Lex Rhodia de iactu* по регулированию общей аварии, который пройдет через века» [Ancel B., 2008: 22, 24].

Как правило, споры с участием иностранцев разрешались на основе *lex fori*, но его применение не было безусловной обязанностью судей, установленной в законе. Скорее всего, это был самый легкий и часто наиболее разумный способ. Лексфоризм был естественным явлением. Если такое решение по какой-либо причине являлось невозможным или непрактичным, то судья имел право свободного выбора компетентного закона. Обращение к иностранному праву, кстати, не вызывало затруднений ввиду общегреческой общности многих юридических идей [Wolff H., 1979: 45]. При этом, естественно, никакие греческие законы не содержали положений об обязанности судей применять иностранные нормы.

Дошедшие до нас памятники древнегреческого права содержат весьма немногочисленные упоминания ситуаций возникновения конфликта законов и их решения. В «Истории Геродота» описывается брак афинянина Мегакла (прадеда знаменитого Перикла) и Агаристы, дочери тирана Клизфена из Сикиона. Соглашаясь на брак, Клизфен объявил, что отдает Мегаклу в жены Агаристу «по законам Афин». Этот имевший место в 571 г. до н.э. эпизод показывает, что брачно-семейные отношения

²⁵ Демосфен. Речи. В 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 438–439.

²⁶ Там же. С. 440.

подчинялись личному закону мужа. «Объявление» Клисфена производит впечатление, что мог иметь место свободный выбор применимого права, но это не так — отец невесты таким образом формально признавал брак, и это «признание обнаруживало такое разрешение конфликта законов, которое ставило союз под закон мужа» [Ancel B., 2008: 24].

Известно также завещание (V в. до н.э.), в котором Ксутиас (завещатель), гражданин Спарты, нашел способ обойти законы его города, запрещающие владение капиталом. Ксутиас поместил в храме Тегеи, защищенном неприкосновенностью, крупную сумму денег и отчеканил на бронзовой пластине завещательные распоряжения, предусматривающие определение круга наследников по закону и разрешение споров между потенциальными сонаследниками по обычаям Тегеи: «Если у него нет детей, они [деньги] будут принадлежать тем, кто имеет на них право; о чем народ Тегеи решит в соответствии с обычаем... Если между ними есть споры, народ Тегеи их разрешит в соответствии с обычаем». Волеизъявление Ксутиаса с первого взгляда также производит впечатление выбора применимого права (*professio iuris*), но, как пишет Б. Ансель, в его основе лежит постулат равенства конкурирующих законов, т.е. идея о том, что по вопросам наследования законы Тегеи и Спарты обладают равной ценностью, и нет причины, которая бы предписала применение одного в большей степени, чем другого. В итоге завещательный акт спартанца регулируется тегенийским правом [Ancel B., 2008: 25, 26].

Самый известный пример рассмотрения в греческом суде выбора применимого права — это «Речь перед судом в Эгине» (Aiginetikos) (393/390 г. до н.э.), составленная известным афинским ритором Исократом (436–338 гг. до н.э.) для одной из сторон процесса по наследственному спору («спор об имении Фрасилоха»). Процесс проходил в Эгине и касался действительности завещания Фрасилоха, гражданина Кеоса (где применялся закон Сифноса), политического эмигранта, домицилированного в Эгине. Это один из очень немногих случаев, когда в древнегреческом суде поднимается коллизийный вопрос, в связи с чем данное дело активно обсуждается в современной доктрине МЧП. К сожалению, о нем до сих пор мало известно, поскольку сохранилась только речь Исократов, и суть процесса реконструируется на ее основе. Мы не знаем ни имен тяжущихся сторон, ни того, кто был истцом, а кто ответчиком, ни состава наследственной массы или ее места нахождения. Возможно, как считает немецкий ученый Г.Ю. Вольф, процесс имел форму «диадиказии», т.е. арбитражного разбирательства между равными претендентами, где нет ни истца, ни ответчика, и решение сводится к простому установлению закона [Wolff H., 1979: 18].

Фрасилох, имевший в Эгине статус метэка, составил завещание в пользу своего друга, соратника и дальнего родственника, мужа сестры (также выходца с Кеоса и метэка), которого он к тому же усыновил (уже проживая в Эгине) и назначил в завещании опекуном своих сестры и матери. Процессуальный противник наследника (Исократ произносил речь от лица наследника) — муж единокровной сестры Фрасилоха, выступавший от ее имени, гражданин Афин. Оспаривались содержание завещания и форма его составления: «По словам моих противников, они верят тому, что Фрасилох оставил завещание, но считают, что оно составлено плохо и неправильно»²⁷. Как видим, спор был сложным — помимо наследственных вопросов (о недостойных наследниках) затрагивались и вопросы действительности усыновления.

В деле было три правопорядка: 1) закон Эгины (*lex fori*, одновременно — *lex loci actus* и *lex domicilii* наследодателя как на момент составления завещания, так и на момент смерти), 2) закон Сифноса (*lex patriae* или *lex originis* наследодателя), 3) закон Афин (*lex patriae* или *lex originis* лица, оспаривавшего действительность завещания) [Vrellis S., 2009: 19]. Тексты всех законов, содержание которых было практически идентичным, Исократ представил суду: «Прочти мне теперь эгинский закон. Ведь в соответствии с ним должно было составить завещание, так как здесь, на Эгине, мы жили, став метэками... Вот по этому-то закону Фрасилох и усыновил меня... Ну, а теперь возьми у меня кеосский закон. Его мы соблюдали, когда были полноправными гражданами у себя на родине... Если бы эти люди [процессуальные противники] отказывались признать эти два закона, ссылаясь на закон, принятый в их государстве [Афины], то ... и этот закон имеет тот же смысл, что и оба предыдущих»²⁸.

В «Речи» Исократ размышлял, применение какого из законов будет наиболее рациональным: последнего места жительства умершего, места исполнения воли, места происхождения наследодателя, места жительства наследника [Castro L., 2000: 16]. Очевидно, что ни законы Эгины, ни законы Афин (которые лучше всего были известны Исократу) не содержали каких-либо явных инструкций по разрешению коллизий законов [Wolff H.J., 1979: 26]. Во всяком случае, знаменитому ритору такой нормы найти не удалось, но сформулированная им проблема — это выбор применимого права с использованием коллизионного метода.

Исократ предъявил доказательства, что завещание допустимо и юридически действительно в соответствии с законами всех мыслимых по-

²⁷ Исократ. Речи. XIX. Эгинская речь. Available at: URL: <http://simposium.ru/ru/node/10302> (дата обращения: 25.06.2023)

²⁸ Там же.

лисов, и его позиция была неоспорима: «Законы все на моей стороне... и ваш закон, принятый здесь... и закон Сифноса, откуда родом был тот, кто оставил завещание... у них самих, возбудивших эту тяжбу, на родине существует такой же закон... Завещание... составлено в согласии со всеми законами... Закон, поддерживающий такие завещания, все эллины находят прекрасным... хотя относительно многих других вещей они расходятся друг с другом»²⁹. Перед судьями Эгины Исократ апеллировал, прежде всего, к их собственному закону, тем более что именно этого закона, по его мнению, наследодатель должен был придерживаться при составлении завещания. Тем не менее, тон замечаний риторы был достаточно нейтральным, поскольку использование *lex fori* для него отнюдь не было самоочевидным; одновременно он не знал никаких юридических принципов, которые могли бы требовать применения иностранного права [Wolff H., 1979: 26].

По поводу того, материальным правом какого именно полиса должен руководствоваться суд, Исократ ничего не говорит. По версии Г.Ю. Вольфа, настойчивые аргументы Исократ о компетентности законов Эгины показывают, что судьи не горели желанием распространить силу собственных законов на иностранцев, не важно, резиденты они или нет. Из этого можно сделать вывод, что в спорах с иностранным участием суд на основе собственного усмотрения был вправе сам найти соответствующую норму, если необходимо выбрать между несколькими правопорядками, представленными ему сторонами. Правовые отношения сторон являются единственно авторитетными, следовательно, суды не обязаны применять собственное право, а могут обратиться к другому праву, наиболее тесно связанному с отношением [Wolff H., 1979: 40, 43–44].

Анализируя немногочисленные памятники древнегреческого права, некоторые современные ученые утверждают, что магистраты применяли коллизионную норму *lex loci contractus*, если стороны спора имели разный домицилий или происхождение. В греческой литературе высказывается мнение, что такое решение вытекало из межполисных соглашений, которые автоматически делали применимым право места заключения контракта [Vrellis S., 2009: 19]; мог применяться также личный закон ответчика; компетенция, по общему правилу, принадлежала суду города происхождения ответчика. Такое решение закреплено, в частности, в договорах, заключенных в V в. до н.э. между Афинами и Фессалией, Афинами и Трезеном [Ancel B., 2008: 27–28]. В торговых контрактах часто сами стороны оговаривали юрисдикцию и применимое право [Мережко А.А., 2006: 24]. Кроме того, можно предположить, что вопро-

²⁹ Там же.

сы личного и наследственного права решались по закону домицилия, гражданства или происхождения соответствующей стороны [Wolff Н., 1979: 26]. Доминировал, по-видимому, *lex originis*, который применялся в любых спорах, затрагивающих личный статус.

Завершая рассмотрение проблематики МЧП в Древней Греции, следует согласиться с Б. Анселем, что уже в V–IV вв. до н.э. появляется идея, что для надлежащей организации отношений с иностранцами следует урегулировать проблему конкурирующих законов [Ancel В., 2008: 28]. МЧП как целостного явления, конечно, нет, нельзя выявить какую-либо определенную систему решений, общие правила или принципы. Законодательно вопросы МЧП не регламентируются, но отношения, входящие в его предмет, занимают большую нишу. Кроме того, греческие полисы считают друг друга равными и признают равную ценность разных правовых порядков. Ввиду этого в греческом обществе в классическую эпоху складывается осознание наличия конфликтов законов и необходимости иметь инструментарий их разрешения; судебная практика заполняет легальные лакуны и вырабатывает различные коллизионные подходы (включая определение компетентного закона на основе наиболее тесной связи).

3. Древний Египет

Ненависть к иностранцам, отношение к ним как к «нечистым» — общее место в истории этого государства, отраженное в Ветхом Завете: «... Египтяне не могут есть с Евреями, потому что это мерзость для Египтян» (Быт. 43:32). В VII в. до н.э. в Древнем Египте был только один город — Навкратис, куда закон позволял приезжать иностранцам для обмена их товаров на египетские; египтяне никогда не соглашались употреблять сосуды грека «для обеда, употреблять его нож и есть то мясо, которое было резано ножом Грека. Так Египтяне чуждались иностранцев, считали их чем-то нечистым!» [Пероговский В., 1859: 11]. Однако Древнему Египту известен институт гостеприимства [Циммерман М., 1924: 35], а уже в конце VI в. до н.э. грекам в Египте позволено было отправлять богослужение; они имели собственных судей и специальный трибунал, где греческие судьи рассматривали спорные дела [Пероговский В., 1859: 12]. Скорее всего, в процессе применялись законы различных греческих полисов, в основном, Афин [Мережко А.А., 2006: 22].

Завоевание Египта Александром Македонским в значительной степени пошатнуло египетский изоляционизм. Эллинистический Египет эпохи Птолемеев (IV–I вв. до н.э.), как считает французский автор Н. Каре, является в этот период единственной в Средиземноморье территорией с

действительно плюралистической правовой системой³⁰. Правовой плюрализм смог увидеть свет благодаря чрезвычайному разнообразию населения — помимо коренных жителей там проживали греки, сирийцы, персы, иудеи. Формально Египет — единое государство, в котором существуют разнообразные этнические и религиозные общины, имеющие собственные правовые порядки (практически полностью греческим был город Навкратис; Александрия, Птолемаида и Мемфис в основном были населены греками и иудеями). Действуют единые египетские законы, но в рамках одной царской власти население имеет разные личные законы и каждый подчиняется законам своего происхождения, своей общины. Коллизии законов в такой ситуации неизбежны.

Необходимо учитывать, что коллизии законов в птолемеевском Египте качественно отличаются как от межобщинных коллизий в догосударственный период, так и от межполисных коллизий в Древней Греции. И первобытные общины, и греческие полисы воспринимают другие аналогичные сообщества как равные себе, т.е. понимают ценность иных правовых порядков (хотя и редко их применяют, отдавая безусловное предпочтение собственному закону). С большой натяжкой, но мы все же можем говорить, что такие коллизии близки к международным (протомеждународным). Ничего похожего нет в Египте — здесь коллизии законов имеют не международный, а внутренний интерперсональный характер, т.е. внутри одного государственного правового порядка коллидируют различные «местные» религиозно-этнические законы. Схожую ситуацию мы уже видели в Древнем Израиле и Иудее, в дальнейшем увидим в Римской Империи, потом — в первой половине Средневековья; в современном мире подобная картина наблюдается в странах с множественностью личных законов (Израиль, Индия, Индонезия, арабские страны).

Скорее всего, коллизионные вопросы в эллинистическом Египте возникали редко и не отличались остротой. В частности, Г.Ю. Вольф считает, что особых коллизионных проблем заметить нельзя [Wolff H., 1979: 57]. Во всех этнических общинах действовали собственные суды, создаваемые как третейские и применявшие свои религиозные законы. Коренные жители (лаокриты — *laocrites*, λαοκρίτης) были подсудны египетским судам; греческим судам (хрематистии — *chrematistes*, χρεματιστής) подсудны дела между греками; раввинские суды компетентны по спорам между иудеями. Этнические религиозные общины имели замкнутый характер — «смешанные» брачно-семейные и наследственные отношения,

³⁰ Caré N. La conception du pluralisme juridique pendant l'antiquité grecque. Available at: URL: <https://all-andorra.com/fr/la-conception-du-pluralisme-juridique-pendant-lantiquite-grecque/> (дата обращения: 25.06.2023)

мягко говоря, не приветствовались. Почва для коллизий — практически только обязательства из договоров и деликтов.

Однако обязательственные отношения — основные в частном праве и самая плодородная почва для споров. Правовой плюрализм отражается в судебной организации — в начале III в. до н.э. царь Египта Птолемей II Филадельф официально узаконил дуализм судебной системы. Двум основным группам населения (лаокритам и грекам) была дарована законодательная привилегия иметь собственные суды, имевшие статус государственных и юрисдикцию по вопросам частного права. Цель установлений Филадельфа заключалась в том, чтобы обеспечить каждому человеку, ищущему справедливости, судебную власть, которая вела процесс на его родном языке и в привычной для него манере. Суды лаокритов состояли из трех жрецов и судили на основе египетских законов. Хрематистии создавались как в городах, так и в сельских поселениях, состояли из восьми–десяти судей, избиравшихся по жребию в соответствии с древнегреческой практикой; в процессе применялось греческое право³¹.

Кроме этого, были учреждены особые смешанные суды — койнодикионы (*koinodikion*, *κοινωδικιον*), уполномоченные рассматривать дела между представителями разных этносов, между постоянными жителями страны и приезжими, т.е. к их юрисдикции были отнесены «смешанные национальные процессы» [Wolff H., 1979: 52–53]. К сожалению, об этих судах мало известно: до сих пор не удалось установить, кем и в соответствии с какими методами отбора назначались судьи, являлись ли они постоянными учреждениями или являли собой локальное и исключительное явление.

Г.Ю. Вольф утверждает, что койнодикионы по умолчанию применяли *lex fori*, т.е. «общее египетское право»: «Царский закон представлял собой решающую норму при всех обстоятельствах, независимо от происхождения и национальности сторон... Только ввиду конкретных практических обстоятельств (но не в принципе!) иногда можно было обратиться к личному закону» [Wolff H., 1979: 55–56]. Иной позиции придерживается Н. Каре, который полагает, что смешанные суды стремились разработать объективные коллизионные нормы, применимые для определения права, компетентного в данной ситуации. Это могло привести к весьма удивительным решениям: что касается договоров, судья считал, что в отсутствие текста именно язык, выбранный для составления, определяет правопорядок, которому стороны должны подчиняться (такой индекс, кстати, используется и в настоящее время)³². Подобный

³¹ Хрематистии были также доступны для фракийцев и евреев.

³² Caré N. La conception du pluralisme juridique pendant l'antiquité grecque....

критерий выбора права мы увидим и позже, когда Египет войдет в состав Римской Империи.

Вероятно, во всех египетских судах господствовал лексфоризм, что совершенно естественно ввиду наличия общего государственного регулирования — царских эдиктов, стоявших выше любых иных правовых установлений. Это, однако, не исключает ситуаций возникновения коллизионного вопроса и спора о применимом праве: как по инициативе судей, так и по просьбе сторон могло иметь место обращение к иному закону — личному (*lex originis*) или места совершения акта. Во всяком случае, койнодикионы испытывали практическую потребность в наличии общей коллизионной методологии, о чем свидетельствует немногочисленные дошедшие до нас документы. Так, Б. Ансель, ссылаясь на известного немецкого ученого профессора Г. Левальда, пишет о двух известных случаях, когда в процессе возникала коллизионная проблематика: 1) спор между двумя иудеями с применением права Афин; 2) спор из договора купли-продажи пшеницы, в котором содержалась штрафная оговорка со ссылкой на право Афин [Ansel B., 2008: 31]. Несмотря на то, что подобные трудности возникали довольно редко, они все же привлекли внимание законодателя.

В 1896–1907 гг. английские археологи Б. Гренфелл и А. Хант руководили раскопками на территории Египта около древнего города Оксирих (аль-Бахнаса), в результате которых было найдено примерно полмиллиона фрагментов древних папирусов (в эти папирусы были завернуты мумии людей и животных). При раскопках кладбища крокодилов (священное животное в этом регионе Древнего Египта) в пасти одной из мумий был обнаружен папирус с текстами эдиктов царя Птолемея VIII Эвергета II Трифона, принятых в 120–118 гг. до н.э. В одном из царских эдиктов, который в наше время получил название «О разграничении компетенции между хрематистиями и лаокритами» [Wolff H., 1979: 61], предписывалось, что все споры из контрактов между греками, проживающими в Египте, и египтянами, если они заключены в греческой форме и на греческом языке, должны рассматриваться хрематистиями; если в египетской форме и на древнеегипетском (демотическом) языке — то перед лаокритами и в соответствии с законами Египта [Schwind F., 1959: 104]; [Yntema H., 1953: 300].

Науке МЧП этот текст стал известен в 1940-х гг. благодаря Г. Левальду, который в работе «Конфликты законов в греческом и римском мире», опубликованной в 1946 г., обратил внимание ученых на царский эдикт как на содержащий первый пример нормы о конфликте законов, сохранившейся до наших дней. В эдикте был установлен принцип, согласно которому язык документа представлял собой юридический элемент

формулы прикрепления³³. Вслед за Левальдом данный текст подробно анализировали многие специалисты по МЧП, в частности, американский ученый профессор Ф. Юнгер пришел к выводу, что первые в истории человечества законодательные коллизионные нормы были разработаны в эллинистическом Египте во II в. до н.э. [Juenger F., 1993: 7–8].

В современной доктрине выдвигается предположение, что в праве Древнего Египта эпохи Птолемеев наличествовали настоящие коллизионные нормы, хотя и имевшие имплицитный характер, — в частности, выбор языка договора рассматривался в качестве коллизионной привязки, опосредованно указывающей применимое право. Язык документа, свободно избираемый сторонами, выступал решающим критерием для определения компетентного закона. По мнению Б. Ансея, такое решение означает приоритет выбора права в сравнении с личным законом должника («*electio iuris contre lex debitoris*») [Ancel B., 2008: 31]. А.А. Мережко делает вывод, что выбор языка косвенным образом предопределял выбор правовой нормы по собственному желанию сторон, в связи с чем можно утверждать, что египетскому праву был известен принцип автономии воли сторон договора [Мережко А.А., 2006: 23]³⁴.

Эдикт «О разграничении компетенции между хрематистиями и лаокритами» нацелен на разрешение конфликта юрисдикций, а не конфликта законов, и, по мнению Г.Ю. Вольфа, был принят по сугубо политическим соображениям [Wolff H., 1979: 63–64]. В нем закрепляется презумпция, впоследствии долгое время господствовавшая в практике МЧП, — «кто выбрал суд, тот выбрал право». Здесь есть косвенная имплицитная односторонняя коллизионная норма, устанавливающая применение *lex fori* (которым в зависимости от вида суда является *lex originis* истца или ответчика). Возможность прибегать к иному закону из текста эдикта вывести затруднительно. Однако язык договора стороны выбирают сами по соглашению между собой, предопределяя таким образом как юрисдикцию, так и компетентный закон. Очень-очень косвенно, но в этом можно усмотреть автономию воли, правда, ограниченную выбором одного из двух личных законов. Исходя из этого, корректным является вывод, солидарный с позициями Юнгера, Ансея и Мережко — в

³³ Lewald H. Conflits de lois dans le monde grec et romain. Цит. по: Freu C. Communiquer l'accord: réflexions juridiques romaines et pratiques provinciales concernant l'établissement des contrats et accords commerciaux dans un Empire plurilingue. 2015. Available at: URL: <https://books.openedition.org/cths/1215> (дата обращения: 25.06.2023)

³⁴ Г.Ю. Вольф придерживается противоположной позиции: с его точки зрения, текст эдикта не позволяет утверждать, что законодатель имел в виду выбор закона по собственному желанию сторон. Скорее, речь идет только о применении личного закона. См.: [Wolff H., 1979: 62].

законодательстве эллинистического Египта закреплена имплицитная альтернативно-диспозитивная коллизионная норма.

Первое в истории законодательное закрепление коллизионной нормы — чрезвычайно важная веха в истории формирования МЧП. Значение эдикта Птолемея VIII Эвергета II в этом отношении невозможно переоценить: это самый ранний по времени известный нам текст, однозначно касающийся проблем МЧП и исходящий от верховной государственной власти³⁵; до его обнаружения были известны только малочисленные судебные решения и косвенные указания отдельных межполисных договоров, затрагивающие вопросы МЧП. Однако, как справедливо указывает американский ученый профессор Х. Интема, нельзя утверждать, что в Египте был принят кардинальный принцип коллизии законов — применение иностранного права. Древнеегипетские правила только готовили почву для гуманитарного прогресса и формулировки двух идей: особый порядок выбора права, применимого к иностранцам, и наличие специализированных судов для иностранцев [Yntema H., 1953: 300–301].

Заключение

Все исследователи истории МЧП единодушно указывают, что в распоряжении современной науки совсем немного документов и свидетельств, подтверждающих существование конфликтов законов и правил их разрешения в Древнем мире. Мы располагаем только единичными данными, имеющими при этом хаотичный характер. МЧП Древнего мира представляет собой коллекцию отдельных казусов, когда международный характер спора был очевиден и присутствовал явный иностранный элемент. МЧП древности — это «эпизодическое международное частное право», его предыстория и «предоктринальный» период его развития [Ancel B., 2008: 17–18, 44]. Ограниченное количество данных не позволяет сделать общетеоретических выводов, выстроить общую линию эволюции правил выбора применимого права в тот период. Кроме того, необходимо учитывать, что «правовые традиции греков, египтян, евреев... не отличались совершенством юридических конструкций и глубиной научной разработки» [Дождев Д.В., 2023: 13].

Известный немецкий ученый профессор К. Липштейн писал, что исследование факта, существовали ли нормы МЧП в древних правовых системах, не является ни необходимым, ни полезным. Даже если они

³⁵ Пятикнижие Моисея — это, конечно, писанный закон, и он намного старше эдикта Птолемея Трифона. Однако в Торе нет прямых и однозначных указаний о разграничении юрисдикции и выборе языка договора, определяющего применимое право.

действительно существовали, эти нормы определенно не повлияли на современную отрасль права [Lipstein K., 1981: 3]. Данный вывод несправедлив — очень важно не преуменьшать степень развития МЧП в Древнем мире [Mills A., 2006: 5], поскольку именно античные и библейские подходы стали впоследствии интеллектуальным фундаментом для создания первой научной доктрины МЧП — теории статутов.

Уже в Древнем мире мы можем увидеть будущую классическую конструкцию МЧП — его «большую черепаху, на спине которой стоят три кита»³⁶: черепаха (первооснова) — это *lex fori* (закон страны суда), три кита (которые впоследствии будут выделены как проявления иностранного элемента) — это личный закон (*lex personalis*), закон места нахождения вещи (*lex rei sitae*) и закон места совершения акта (*lex loci actus*). К трем китам «подплывает» четвертый: выбор право сторонами отношения (*lex voluntatis*), автономия воли сторон — древний принцип, в соответствии с которым «намерение договаривающихся сторон, явное или неявное, является источником права» [Yntema H., 1966: 16].

Список источников

1. Бахин С.В. К вопросу об истоках изучения международного частного права в России // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 56–66.
2. Бибилов П.С. Очерк международного права в Греции. М.: Типография В. Готье, 1852. 121 с.
3. Брун М.И. Международное частное право: курс, читанный в Московском Коммерческом Институте в 1910–1911 годах. М.: Тип. Л.М. Прохорова и Н.А. Яшкина, 1911. 313 с.
4. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М.: Норма, 2007. 738 р.
5. Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 2023. 784 с.
6. Ковлер А.И. Антропология права. М.: НОРМА, 2002. 480 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с.
8. Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. СПб.: Типография А. Бенке, 1900. 279 с.
9. Мережко А.А. Наука международного частного права: история и современность. Киев: Таксон, 2006. 356 с.
10. Нефедов Б.И. Возникновение международного частного права. Часть 1 // Московский журнал международного права. 2016. № 1. С. 3–18.
11. Переговский В. О началах международного права относительно иностранцев у народов древнего мира. Киев: Университет, 1859. 51 с.
12. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
13. Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М.: Книга и бизнес, 2000. 294 с.

³⁶ Или три слона.

14. Толстых В.Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2004. 526 с.
15. Циммерман М. История международного права (с древнейших времен до 1918 года). Прага: Типография русского юридического факультета, 1924. 382 с.
16. Ancel B. Histoire du droit international privé. Paris: Université Panthéon-Assas, 2008, 196 p.
17. Berthelot K., Dohrmann N., Nemo-Pekelman C. (dir.). Legal engagement. The reception of Roman law and tribunals by Jews and other inhabitants of the Empire. Rome: École française, 2021, 535 p.
18. Caré N. La conception du pluralisme juridique pendant l'antiquité grecque. Available at: URL: <https://all-andorra.com/fr/la-conception-du-pluralisme-juridique-pendant-lantiquite-grecque/> (дата обращения: 25.06.2023)
19. Castro L. Derecho internacional privado. Parte general. Mexico: University Press, 2000, 780 p.
20. Gutzwiller M. Geschichte des International privatrechts. Basel — Stuttgart: Helbing & Lichtenhahn, 1977, 326 S.
21. Hamza G. ¿Existió el Derecho Internacional Privado en el Imperio Romano? Revista Internacional de Derecho Romano, 2008, Octubre, pp. 78–90.
22. Hamza G. Some Reflections on the History of Private International Law. Acta Juridica Hungarica, 1992, vol. 34, pp. 195–200.
23. Juenger F. Choice of Law and Multistate Justice. Dordrecht, Boston, London: Martinus Nijhoff Publishers, 1993, 265 p.
24. Kuhn A. Comparative Commentaries on Private International Law or Conflict Laws. New York: Macmillan, 1937, 381 p.
25. Lifshitz B. The Rules concerning Conflict of Laws between a Jew and a Gentile according to Maimonides / Mélanges a la Mémoire de Marcel-Henri Prévost. Paris: Presses universitaires de France, 1982, pp. 179–189.
26. Lipstein K. Principles of the Conflict of Laws, National and International. The Hague: Martinus Nijhoff, 1981, 144 p.
27. Mádl F. Milestones on the Road of Private International Law Developments / Delivered at the Celebration of the 110th Anniversary of the Hague Conference on Private International Law, on 31 October 2003. The Hague, 2003, pp. 1–4.
28. Meron Y. The Choice of Law in Tort in Israel. Anglo-American Law Review, 1989, vol. 18, pp. 37–74.
29. Mills A. The Private History of International Law. The International and Comparative Law Quarterly, 2006, vol. 55, no. 1, pp. 1–49.
30. Schwind F. Geistige und historische Grundlagen des internationalen Privatrechts. Wien: Rohrer, 1959, 113 S.
31. Vrellis S. Historical Evolution / Private International Law in Greece. Dordrecht: Wolters Kluwer, 2009, pp. 19–23.
32. Wolff H. Das Problem der Konkurrenz von Rechtsordnungen in der Antike. Heidelberg: Winter, 1979, 78 S.
33. Yntema H. The Comity Doctrine. Michigan Law Review, 1966, vol. 65, no. 1, pp. 9–32.
34. Yntema H. The Historic Bases of Private International Law. American Journal of Comparative Law, 1953, vol. 2, pp. 297–317.

References

1. Ancel B. (2008) *Histoire du droit international privé*. Paris: Université Panthéon-Assas (Paris II), 196 p.
2. Bakhin S.V. (2022) At the sources of studies in international private law in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no 4, pp. 56–66 (in Russ.)
3. Berthelot K., Dohrmann N., Nemo-Pekelman C. (eds.) (2021) *Legal engagement. The reception of Roman law and tribunals by Jews and other inhabitants of the Empire*. Rome: École française, 535 p.
4. Bibikov P.S. (1852) *An outline of international law in Greece*. Moscow: Gauthier, 121 p. (in Russ.)
5. Brun M.I. (1911) *International private law: course of lectures delivered at the Moscow Commercial Institute in 1910/1911*. Moscow: L.M. Prokhorov and N.A. Yashkin Printing House, 313 p. (in Russ.)
6. Caré N. La conception du pluralisme juridique pendant l'antiquité grecque. Available at: URL: <https://all-andorra.com/fr/la-conception-du-pluralisme-juridique-pendant-lantiquite-grecque/> (accessed: 25.06.2023)
7. Castro L. (2000) *Derecho internacional privado. Parte general*. Mexico: University Press, 780 p.
8. Dozhdev D.V. (2023) *The Roman private law. Textbook*. Moscow: Norma, 784 p. (in Russ.)
9. Grafskiy V.G. (2007) *A general history of law and state. Textbook*. Moscow: Norma, 738 p. (in Russ.)
10. Gutzwiller M. (1977) *Geschichte des International Privatrechts*. Basel –Stuttgart: Helbing & Lichtenhahn, 326 S.
11. Hamza G. (2008) ¿Existió el Derecho Internacional Privado en el Imperio Romano? *Revista Internacional de Derecho Romano*, Octubre, pp. 78–90.
12. Hamza G. (1992) Some reflections on the history of private international law. *Acta Juridica Hungarica*, vol. 34, pp. 195–200.
13. Juenger F. (1993) *Choice of law and multistate justice*. Dordrecht — Boston — London: Martinus Nijhoff, 265 p.
14. Kovler A.I. (2002) *Anthropology of law. Textbook*. Moscow: Norma, 480 p. (in Russ.)
15. Kuhn A. (1937) *Comparative commentaries on private international law, or conflict of laws*. New York: Macmillan, 381 p.
16. Levi-Stross K. (1985) *Structure of anthropology*. Moscow: Nauka, 536 p. (in Russ.)
17. Lipstein K. (1981) *Principles of the conflict of laws, national and international*. The Hague: Martinus Nijhoff, 144 p.
18. Lifshitz B. (1982) The rules concerning conflict of laws between a Jew and a Gentile according to Maimonides. In: *Mélanges a la Mémoire de Marcel-Henri Prévost*. Paris: Presses universitaires de France, pp. 179–189.
19. Mádl F. (2003) Milestones on the road of private international law developments. Delivered at the Celebration of the 110th Anniversary of the Hague Conference on Private International Law, 31 October 2003. The Hague, pp. 1–4.
20. Mandel'shtam A.N. (1900) *The Hague conventions on codification of international private law*. Saint Petersburg: Benke, 279 p. (in Russ.)

21. Merezhko A.A. (2006) Science of international private law: history and modernity. Kiev: Takson, 356 p. (in Russ.)
22. Meron Y. (1989) The choice of law in tort in Israel. *Anglo-American Law Review*, vol. 18, pp. 37–74.
23. Mills A. (2006) The private history of international law. *The International and Comparative Law Quarterly*, vol. 55, no. 1, pp. 1–49.
24. Nefedov B.I. (2016) The emergence of international private law. Part one. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*=Moscow Journal of International Law, no 1, pp. 3–18 (in Russ.)
25. Perogovskiy V. (1859) On the emergence of international law norms about aliens in the ancient world. Kiev: University, 51 p. (in Russ.)
26. Schwind F. (1959) Geistige und historische Grundlagen des internationalen Privatrechtes. Wien: Wien Rohrer, 113 S.
27. Sorokin P.A. (1992) *Human being. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat, 543 p. (in Russ.)
28. Starodubtsev G.S. (2000) *The Russian emigration scholar researches in international law in the period of 1918–1939*. Moscow: Kniga i biznes, 294 p. (in Russ.)
29. Tolstykh V.L. (2004) *International private law: regulating collisions*. Saint Petersburg: Yuridical Tsent Press, 526 p. (in Russ.)
30. Tsimmerman M. (1924) A history of international law since ancient times to 1918. Praha: Russian Faculty, 382 p. (in Russ.)
31. Vrellis S. (2009) *Historical evolution of private international law in Greece*. Dordrecht: Wolters Kluwer, pp. 19–23.
32. Wolff H. (1979) Das Problem der Konkurrenz von Rechtsordnungen in der Antike. Heidelberg: Winter, 78 S.
33. Yntema H. (1966) The comity doctrine. *Michigan Law Review*, vol. 65, no. 1, pp. 9–32.
34. Yntema H. (1953) The historic bases of private international law. *American Journal of Comparative Law*, vol. 2, pp. 297–317.

Информация об авторе:

И.В. Гетьман-Павлова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

I.V. Getman-Pavlova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted to the editorial office 20.06.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.